

Jiddu Krishnamurti

Шестой обсуждения в Лондоне

From the series:

XXXXXXXXXXXX X XXXXXXXXXX 1965 XXXX

XXXXXXXXXXXX

Наша жизнь так поверхностна; у нас есть почти все из того, что мы желаем физически, и большинство из нас легко удовлетворяется маленькими удовольствиями или интеллектуальными идеями, теориями, дискуссиями. Если мы много читали, это дает нам определенную остроту ума, полемичный ум, и мы можем изрекать и создавать впечатление, что мы очень глубокие и очень жизненные. Возможно ли для очень искусного ума, т. е. ума, обладающего массой знаний и информации, проникнуть очень глубоко? Большинство из нас живет для интеллектуального или чувственного удовольствия, и мы стремимся к его продолжению. Когда оно убывает, мы ищем других форм удовольствия, но в нашей жизни, в наших взаимоотношениях, в нашей деятельности так мало радости. Я не думаю, что мы сможем найти радость через удовольствие, это две совершенно различные вещи. Разница не в словах, не в действиях и не в том, чтобы иметь огромное количество знаний. Дело в понимании наслаждения и прохождения под ними. Только тогда возможна радость или блаженство, используйте любое слово, какое вам нравится.

В том мире, какой он есть, большинству из нас кажется весьма трудным проникнуть глубоко внутрь себя: и я не вижу, как он может найти эту радость, или быть в таком состоянии ума, если он не проникает в себя глубоко. Как мы говорили в последний раз, понимание наслаждения ставит конец иллюзии. Потому что если у человека есть иллюзии какого-либо рода о себе, и он олицетворяет себя с радостью, изображением, наслаждением, видением, идеей, теорией, это дает известное удовлетворение, определенную степень наслаждения. Но это самоолицетворение с чем-то – еще погоня за наслаждением. Как человеку настолько глубоко проникнуть в себя, настолько полно, без усилий, без связывающей – временем, природы времени? Разве это дело времени, постоянного осознания, постоянного углубления, внимательности, приложения известных усилий для ликвидации достаточно глупых вещей – проникновение в себя и так, вероятно, совершая открытие? Делают ли время и удовольствие ум – нерелигиозным? Религия для большинства из нас –

авторитет, ритуал. Когда человек отшел все это в сторону, как большинство, так называемых, интеллектуальных современных людей, находит нечто гораздо более важное? Для меня очень важно религиозное свойство ума. Под термином «религиозный ум» я подразумеваю ум, который понял природу наслаждения, освободил себя от страха, и потому не обладает иллюзиями, не создает иллюзии для себя, и таким образом способен жить с фактами, с тем, что ЕСТЬ, и проходит под ними. Такой ум, мне кажется, и есть религиозный ум – ум, который основательно понял природу наслаждения, времени и страха.

Как мы говорили раньше: страх в любой форме, сознательной или бессознательной, порождает темноту, рождает иллюзию. Человек ищет выхода из той сети, которую он создал в своем усилии освободиться от страха. Чтобы осознать эту сеть и таким образом быть свободным, требуется сознание, в котором нет усилия, но просто наблюдение. Большинство из нас, боюсь, недостаточно серьезны, чтобы проследовать до самого конца. Нас так легко сбить, так легко удовлетворить небольшим переживанием, небольшим знанием, малым пониманием.

Что делать человеку в страдании, в печали, боязливому, борющемуся за положение и престиж для того, чтобы прорваться через все это, так, чтобы страх никогда более не возникал? Как человеку постоянно быть свободным от страха, не просто психологического страха, который вызывает физиологический страх, но физического страха, который вскармливает психические страхи? Мы пользуемся словом «как» не в качестве вопроса, не подразумевая средства или систему, через которую можно избавиться от страха, потому что мы говорили в прошлый раз, что «как» – это беспорядок; потому что «как» подразумевает время, а время рождает беспорядок.

Если человек знает, что боится столь много внутренне, как он может выйти из этого? Мне кажется, что это одна из главнейших проблем нашей жизни. Время никогда не уничтожит страх. Время придумано умом для создания завтра, как средства избавления от чего-то через постоянный процесс изучения и анализа. Что же делать? Необходимо понять всю проблему наслаждения – не страха, потому что наслаждение – центральный фактор, ведущая первооснова нашей жизни.

Пожалуйста, не просто слушайте слова, но осознajte природу наслаждения, действительно, фактически; и осознajte, как наши мысли, как вся наша деятельность основана на необычной внутренней жажде наслаждения. Когда есть понимание этого, страх кончается. Потому что именно наслаждение питает иллюзии – не высшее, глубокое, психологическое наслаждение, – но каждодневное, которому мысль дает длительность.

Чтобы понять наслаждение, необходимо изучить и осознать весь процесс мышления. Мы придаем чрезвычайную важность мысли, идеям, понятиям, формулам. Есть физические формулы, которые необходимы, но так ли необходимы психологические?

Я не говорю, что мы должны быть глупыми, непостоянными, вялыми; но почему мы придаем столь необычайную важность уму, мышлению, интеллекту? Если человек не придает значения интеллекту, он придает значение либо чувственным качествам, либо эмоциям. Но поскольку большинство людей стыдится эмоций и чувственности, они обожествляют интеллект. Почему? Пожалуйста, когда я задаю вопрос, давайте вместе поищем ответ. Книги, теории и вся интеллектуальная область считаются такими важными в нашей жизни. Почему? Если вы умны, вы можете найти лучшую работу. Если вы высоко технически образованы, это дает определенное преимущество, но почему мы придаем значение идеям? Не потому ли, что мы не можем жить без действия? Все взаимоотношения – движение, а движение – это действие. Идеи становятся важными, будучи отделены от действия. Для большинства из нас действие не важно, не важно взаимодействие, гораздо важнее всех прочих факторов – идеи.

Ваши взаимоотношения, составляющие жизнь, основаны на организованной памяти, как идее.

Идея доминирует над действием, и как следствие – взаимоотношение, это концепция, а не реальное действие.

Я полагаю, что взаимоотношение должно быть таким или иным, но мы не знаем, что оно в действительности представляет собой. Мы не знаем этого действительно, фактически; потому для нас идеи становятся столь важными. Интеллект становится наиболее важным с его верованиями, идеями, теориями и тем, что должно быть и чего не должно быть. Действие приобретает характер связанного времени, т. е. действие вовлекает время, потому что идея ОТ времени. Действие не мгновенное, не самопроизвольное, оно никогда не относится к тому, что ЕСТЬ, но к тому, чему следует быть, к идее, и отсюда – конфликт между идеей и действием. Мы делаем жизнь чрезвычайно усложненной. Существует идея, с последующим действием, основанным на наслаждении, обязанности или ответственности. Наслаждение производит иллюзии, неспособные встретить факт, который ЕСТЬ, и как следствие этого – мы боимся.

Дело не в том, согласитесь вы или нет с тем, что говорится. Если человек наблюдает, он увидит, что это так. Интеллект – это не целое, это фрагмент нашей жизни. Однако, этот фрагмент приобретает огромное значение. Поскольку фрагмент приобретает столь огромное значение, наша жизнь, наш образ жизни – фрагментарны, они никогда не бывают целыми, полными.

Вероятно, большинство все это сознает и знает, или чувствует, что существует постоянный конфликт между идеей и действием. Мы сознаем тот факт, что разделение между идеей и действием вовлекает время; и что когда возникает вопрос времени, возникает и беспорядок. Мы все это знаем. Может быть, некоторые знают это непосредственно, наблюдают и видят это как факт. Но, по-видимому, мы не кажемся способными пройти над этим. Мы очень хорошо знаем, что нехорошо быть слишком искусным, уметь изрекать, со всеми мудрствованиями, которые имеют место. Мы очень хорошо знаем, что все это не имеет никакого значения: но мы играем с этим. Мы также сознаем природу наслаждения – как привычек, сексуальных и прочих. К тому же, мы внутренне, глубоко – жадны. Есть глубокое чувство вины и отчаянного одиночества. Мы знаем, что есть страх, и однако, не кажемся способными пройти над всем этим.

Как может человек выйти из этого круга, этого повторяющегося порочного круга? Это главный вопрос, а не исследование и анализ бесполезных слов и определений слов. Есть ли иной подход к этой проблеме? Мне всегда кажется, что мы подходим к жизни с краю, из внешнего к внутреннему, все усложняя, и утяжеляя, и запутывая. Давайте подойдем к ней иначе.

Наслаждение – это не любовь, это продолжение памяти, которая питает и поддерживает его. Если существует то, что мы называем любовью, то оно окружено ревностью, тревогой, одиночеством и страхом потери. Красота для нас также наслаждение. Красота для нас – результат возбуждения: красивый ребенок, красивый закат, облако в небе. Мы называем их красивыми, потому что они действуют возбуждающе. Существует ли красота, безотносительная к наслаждению, которая не результат возбуждения? В нашей жизни нет любви, и мы чаще всего лишь второстепенные люди. Нет ничего подлинного, действительного, а потому мы не знаем, что значит быть творческим. Мы все хотим выразить себя различным образом, как художники, специалисты, и это выражение мы обычно называем творчеством.

Как может в этом проявиться творчество, когда есть страх, наслаждение и вовлечение времени? Несомненно, творчество означает конец, а не продолжение того, что я узнал, каким бы приятным, каким бы важным оно ни было. Ведь только когда есть полное завершение, тогда появляется что-то новое. Мы боимся кончить, мы боимся умереть – умереть для всех наслаждений, воспоминаний, переживаний. Поэтому мы продолжаем, никогда не кончая; поэтому мы никогда не бываем творческими.

Мне кажется, что красота, любовь, смерть и творчество идут вместе. Но они, очевидно, не могут существовать, когда есть страх в любой форме. Услышав это заявление, вы можете его одобрить, согласиться или не согласиться, неважно. Факты – очевидны; их можно наблюдать.

Возможно ли мне и вам полностью выйти из системы времени и наслаждения? Возможно ли из безмолвия взглянуть на страх, без мысли, чувства, взглянуть не как на нечто, чему можно найти причину, проанализировать и уничтожить? Чрезвычайно просто смотреть на цветок не ботанически, потому что цветок не играет большой роли в нашей жизни: он не делает, не запутывает нашей жизни. Но взглянуть на нашу деятельность, на наши проблемы, как они встают, без мысли и чувства, и потому наблюдать без времени, – не так легко.

Мы глядим на вещи из центра, который создает пространство вокруг себя. Я гляжу на вас из моего центра воспоминаний; этот центр создает пространство вокруг себя, и сквозь это пространство я смотрю. Я никогда не смотрю на вас прямо; я только обзираю вас через свое пространство, созданное моим центром – переживанием, знанием, памятью. Я могу действительно смотреть на вас, как смотрю на цветок, только когда нет центра, но я никогда не гляжу без этого центра, связывающего временем по своей сущности, что является результатом наслаждения. Этот центр всегда создает иллюзии и я никогда не сталкиваюсь с фактом лицом к лицу.

Я могу смотреть на облако, цветок или птицу в полете – без центра, без единого слова, слова, создающего мысль. Могу ли я смотреть безмолвно на любую проблему: проблему страха, проблему наслаждения? Потому что слово создает, растит мысль; а мысль – это память, переживания, наслаждения, а потому искажающий фактор.

Это действительно совершенно удивительно просто. И мы не верим этому, потому что это просто. Мы хотим, чтобы все было очень сложно, очень хитро, а вся хитрость прикрыта ароматом слов. Если я могу смотреть на цветок безмолвно – а я могу, каждый может сделать это, если будет достаточно внимателен, – могу я смотреть с тем же объективным, безмолвным вниманием на имеющиеся у меня проблемы? Могу ли я взглянуть из безмолвия – не словесного – без действия мыслимого автоматизма и времени? Могу я просто смотреть? Я думаю, что трудность всего вопроса заключается в этом, не приближаться к жизни извне, что только чрезвычайно усложняет жизнь, но взглянуть на жизнь со всеми ее сложными вопросами средств существования, секса, смерти, жалости, печали, страдания, страшного одиночества, – взглянуть на все это без ассоциаций, из безмолвия, т. е. без центра, без слов, которые создают реакцию мысли, которые суть памяти и, следовательно, время. Я полагаю, что это настоящая проблема, настоящий вопрос: может ли ум смотреть на жизнь, где есть непосредственное действие, – а не идея, а затем действие, – и полностью исключить конфликт?

В.: Вы имеете в виду, что вы можете смотреть на что-то так же, как смотрите на цветок, не пользуясь им, не извлекая из него пользы?

К.: Сэр, вы смотрите на цветок, действительно смотрите на него. За этим нет мыслей. Вы глядите на него не как ботаник, не размышляя, не классифицируя его, вы просто СМОТРИТЕ. Разве вы никогда не делали этого?

В.: Разве ум не вмешивается?

К.: Подождите, подождите, нет, не говорите об уме. Это немного сложнее. Начните с цветка. Когда вы смотрите на цветок, не позволяйте мысли вмешиваться; затем посмотрите, можете ли вы взглянуть на вашу жену или мужа, или соседа, или страну точно так же. Если человек не может, он говорит: «Нет ли способа, системы, с помощью которой я могу натренировать свой ум смотреть без вмешательства мысли?». Это становится слишком нелепо. Факт в том, что мы смотрим на цветок

без вмешательства мысли, как памяти или наслаждения. Существует ли наблюдение того же типа всего, что возникает внутри и вне нас – слов, которыми мы пользуемся, жестов, идей, понятий, изображений себя и других, которые у нас есть? Тогда только возможно быть столь широко сравнительным, когда существует наблюдение вещей внешних, при котором человек смотрит на облако, дерево без вмешательства слов.

В.: Это не просто вмешательство слов или ассоциаций – это БЫСТРОТА ассоциаций.

К.: Да, сэр, стремительность ассоциаций; поэтому вы не смотрите. Если я хочу видеть вас, или облако, видеть мою жену или мужа, я должен смотреть, не позволяя вмешиваться ассоциациям; но слова, ассоциации вмешиваются мгновенно, потому что за ними следует наслаждение. ПОМНИТЕ ЭТО, сэр; это так просто. ЕДВА мы поймем это ясно – мы сможем смотреть.

В.: Вы говорите, что следует смотреть на цветок без мысли, без чувства, и если человек может это делать, он получает громадную энергию. Эта энергия, как мы используем это слово, есть мысль и чувство. Мне интересно, не могли бы вы пояснить это.

К.: О, понимаете, сэр, я специально сказал, мысль – это чувство. Нет чувств без мысли; а за мыслью стоит наслаждение; потому что они идут вместе: наслаждение, слово, мысль, чувство, – они не разделены. Наблюдение без мысли, без чувства, без слов – это есть энергия. Энергия расточается словами, ассоциацией, мыслью, наслаждением и временем; поэтому нет энергии смотреть.

В.: Если вы понимаете это, мысль не отвлекает внимание.

К.: Тогда мысль не входит, сэр. Это не вопрос отвлечения внимания. Я хочу понять это. Почему должна вмешиваться мысль? Почему должны вмешиваться все мои предрассудки в мой взгляд, мое понимание? Она вмешивается потому, что я боюсь вас, – вы можете получить мою работу, – десятки различных вещей. Поэтому человек должен вначале смотреть на цветок, на облако. Если я могу смотреть на облако без слов, без каких-либо ассоциаций, которые возникают так стремительно, то я могу смотреть на себя всю свою жизнь со всеми ее проблемами. Вы можете сказать: «И это все? Не слишком ли вы упростили это?». Я не думаю, что это так, потому что факты никогда не создают проблем. Факт, что я боюсь, не создает проблемы, но мысль, говорящая: «Я не должен бояться» – ОНА создает проблему, а не факт.

Взгляните, сэр. Есть проблема – вопрос смерти. Мы все знаем это. Мы можем продлить жизнь до 150 лет, но все равно в конце будет стоять она, в ожидании. Теперь взгляните на это, как на факт, не размышляйте о ней, не бегите от нее через веру и многие другие лазейки, которые существуют, но просто будьте в контакте с фактом. Вы не сможете, если не знаете, что такое конец – конец ВСЕМ наслаждениям, не определенным наслаждениям. Тогда ум может взглянуть на этот вопрос совершенно иначе.

Возьмите вопрос привязанности, любви. Может ли существовать любовь, когда есть соревнование, тщеславие, страх, ревность? Очевидно, что нет. Однако, без нее наша жизнь чрезвычайно поверхностна и пуста. Могу я взглянуть на свою ревность без слов, без мыслей, без ассоциации; могу ли я жить с ней и взглянуть на нее просто, как на факт? Это требует энергии, потому что потери энергии как мыслей, рассеянности, ассоциации или слова не должно быть. Я понимаю, чтобы видеть факт, требуется громадная энергия. Поскольку я понимаю это, исчезают все потери энергии, мне не надо бороться против них.

В.: Когда во взаимоотношении возникает настоящее, искреннее качество, я замечал по себе, что немедленно возникает сильный поток эмоции, вовлекающий мысль и приводящий меня в известное состояние. Из сказанного вами, этот процесс происходит вследствие того, что я уделил достаточно энергии наблюдению.

К.: Вы не можете уделить достаточно энергии наблюдению, потому что теряете ее через мысль, слово, эмоции, чувство. Сэр, просто смотрите на цветок. Очевидно, что кажется наиболее трудным просто смотреть на него. Мы никогда не глядим из безмолвия: мы смотрим сквозь большой шум и беспокойство. Если бы человек мог смотреть на цветок из молчания, и следовательно, без мыслей и всего прочего, он мог бы взглянуть на себя и все проблемы, существующие внутри.

В.: Это рассеивает проблемы, сэр?

К.: Весьма важно, как вы смотрите на это. Смотрите ли вы на это как переживающий, рассматривающий нечто? Отличается ли наблюдатель от наблюдаемого? Я ревнив, завистлив, я ненавижу кого-то. Есть ли теперь ненавидящий и ненавидимое, переживающий и переживаемое? Разделены ли оба? Отделен ли наблюдатель от наблюдаемого. Я вижу микрофон; он отделен, потому что я знаю его устройство, что это, – это нечто отличное от меня. Я ревнив, чувство ревности отлично от меня. Это верно для большинства из нас. Я ревнив. Значит, наблюдатель отделен от наблюдаемого, каковым является ревность. Но ЯВЛЯЕТСЯ ли это отдельным? Разве не сам наблюдатель – эта ревность? Разве он действительно отделен от нее?

В.: Тогда вы смотрите не на то, что вы ненавидите, вы смотрите на свою ревность.

К.: Нет, нет. Взумайтесь в это еще немного, пожалуйста. Поразмыслите над этим немного больше. Давайте вернемся назад. Взгляните на дерево. Вы видите его со своим переживанием, и есть дерево. Дерево и вы похожи. Теперь можете ли вы смотреть на дерево не как наблюдающий? Вы не знаете, что это значит?

В.: Нет.

В.: Да, вы можете, да.

К.: Подождите, подождите. Пожалуйста, двигайтесь медленно, не будьте так поспешны. Что это значит – смотреть на дерево без вас, как наблюдателя? Вы когда-либо делали это?

В.: Иногда.

К.: Иногда.

В.: Я делал это с цветком сегодня утром. Я был довольно удивлен, но не мог описать какой-либо реакции.

К.: Сэр, мы не говорим о реакции. Пожалуйста, придерживайтесь одного. Смотрите на дерево не из центра, не как наблюдатель. Взгляните на вашу жену, вашего друга, вашего мужа, не как наблюдатель, не как муж, друг, жена со всеми своими воспоминаниями: просто наблюдайте. Это одна из наиболее трудных для выполнения задач; вы просто не можете пользоваться словами, вы должны смотреть.

В.: Хорошо, когда я смотрю на дерево, это доставляет мне чувство наслаждения, это показывает, что я смотрю как наблюдатель.

К.: Потому, смотреть на дерево или человека и не быть наблюдателем – значит общаться с этим человеком или деревом – ОБЩАТЬСЯ. Я обычно смотрю на свою жену, или своего мужа, на челоюека – со всеми моими предрассудками и памятью. Сквозь эту память я и смотрю: это центр, из которого я смотрю. Потому наблюдатель отличен от наблюдаемого. В этот процесс постоянно вмещивается мысль через ассоциации и с быстротой ассоциации. Теперь, когда я осознал всю сущность этого мгновенно, происходит наблюдение без наблюдателя. Это очень просто проделать с этим деревом, с природой; но с людьми – что же имеет место? Если я смогу смотреть на свою жену

или мужа без слов, не как наблюдатель, это довольно страшно, не так ли? Потому что мое отношение к нему или к ней – совершенно иное. Оно ни в коей мере не личное, это не род наслаждения, и я боюсь его. Я могу смотреть на дерево без страха, потому что чрезвычайно просто общаться с природой, но общаться с людьми намного опаснее и страшнее: мое отношение подвергается огромному перевороту. Прежде я обладал женой, а она мною, нам нравилось быть обладаемыми. Мы жили в нашем собственном изолированном самолицетворенном пространстве. При наблюдении я убрал это пространство, теперь я в непосредственном контакте, а потому без центра. Пока человек не поймет всей проблемы, просто достигнуть способа наблюдения – становится страшно. Тогда человек становится циничным и тому подобное.

В.: Гораздо труднее так смотреть на своего босса.

К.: Сделайте это.

В.: Сэр, если я на что-то смотрю, смотрю на дерево, и знаю, что я смотрю, разве я не наблюдатель?

К.: Вы не можете удержаться от этого, не так ли, сэр? Вы не можете удержаться от визуального наблюдения, если вы только не слепы. Вы видите это дерево. Но почему в ваше наблюдение должно приходить все ваше прошлое? Если я слушаю, почему должно приходить все мое прошлое, когда я слушаю? Когда я слушаю – я познаю. Познание в корне отличается от накопления знаний. При накоплении знаний создается центр, но если я познаю, когда слушаю, тогда нет слушателя. Попробуйте, сделайте это, будьте полностью внимательны. Будьте внимательны к говорящему. К тому, что он говорит; будьте внимательны к тому, как вы слушаете; будьте внимательны к внешнему шуму, автобусам и автомобилям, проезжающим мимо; будьте внимательны к тому, что кто-то кашляет, – ПОЛНОСТЬЮ внимательны. Есть ли тогда центр? Есть ли наблюдатель, который вмешивается? Есть только состояние внимания.

В.: Если человек думает, что он может что-нибудь пропустить, появляется наблюдатель.

К.: Нет, вы этого не делаете. Сэр, в течение двух секунд проделайте это: будьте внимательны к цветку, стенам, вашим чувствам, к тому как вы сидите. Стоите, слушаете. Будьте целиком внимательны. Не фрагментами, – ПОЛНОСТЬЮ, всем вашим СУЩЕСТВОМ, вашими нервами, телом, глазами, внимательны ВСЕМ. Тогда – есть ли центр, из которого вы внимательны? Но если вы говорите: «Я ДОЛЖЕН быть внимательным», а затем: «Как мне быть внимательным?» – вы начинаете весь этот круг.

В.: Внутри этого сознания, ПОЛНОГО сознания, существует общение, насколько я это понимаю.

К.: Да, сэр.

В.: Но это полное сознание также включает полное осознание всего, не только вне, но также и внутри.

К.: О, нет, сэр. Когда вы внимательны, нет ни внешнего, не внутреннего. Вы слышите проезжающую машину, этот кашель; вы внимательны к цветку, к тому, что вы чувствуете, – просто будьте внимательны, не говорите: мне нравится, мне не нравится – просто будьте внимательны.

В.: Это всегда так, не так ли, сэр?

К.: Это не ВСЕГДА, сэр. Сэр, СДЕЛАЙТЕ это.

В.: И вы будете также внимательны к явной невозмутимости полного внимания? Это так?

К.: Да, сэр. Будьте внимательны к невниманию; не пытайтесь СТАТЬ внимательным.